Настоящее имя — Ольга Жмылёва. Родилась 9 мая 1988 года. До 16 лет жила в селе 1-Берёзовка (Тамбовская обл.). Окончила Тамбовский государственный технический университет по специальности «Юриспруденция». Работала помощником аудитора, оператором аттракционов, бухгалтером, артистом детского театра. Произведения публиковались в журналах «Дети Ра», «Кольцо А», «Южное сияние», а также в коллективных сборниках и альманахах. Лауреат Международного арт-фестиваля "Провинция у моря - 2014" (Одесса, Ильичёвск), победитель Всероссийского молодёжного конкурса малых литературных форм в номинации «Поэзия», член Южнорусского Союза Писателей. В настоящий момент живет в Тамбове, работает юристом.

МАМЕ

Моя весна - велосипед “Десна",
высокая негнущаяся рама
при верховой езде.
И я на нём по Млечному, к звезде:
“Я еду, мама!
Смотри, я еду. Я сама! Сама!"
А мама, прислонясь к резным воротам,
уже готова вымолвить: “Зима"
и не узнать, и спохватиться: “Кто там?"
А кто это? А это снег идёт.
А это я иду и первым шагом
я падаю. Но мягкие объятья...
Опять иду. И падаю. Опять я
иду, и мама рядышком идёт.
И это не моя весна, а мамы.
И снег - не снег, а первый цвет черешни.
И отовсюду льётся свет нездешний,
и светом этим выкрашены рамы
и крупные горошины на платье,
и в кружке оловянной молоко,
и снег... И разжимаются объятья.
Непоправимо, ласково, легко.

***

Не нужно про время,
Линейность его под сомненье поставим.
Мы были не теми,
Мы были не теми, кем в будущем станем.

Сейчас — это капля воды обрывается в землю.
Короткое лето дождя у реки не вернёшь, но
Мы видели как появлялась мгновенная смертная зелень,
Увидим и как разбиваются листья в полёте возможном.

И кончится тем, что расскажут про них (а про нас не расскажут).
Но в сущности разницы нет, чем кончаются люди.
Мы были собой - только это одно и окажется важным.
Не стоит жалеть ничего: ни себя, ни июля.

СЕЯТЕЛЬ

Когда не зная слов, а только так:
«Прости, прости» — чувствительная вера
ребёнка. И какая пустота
теперь... Но добавляю суеверно
к произнесённому «здесь Бога нет» —
«наверно».
Разбитые сгребая черепки,
ссыпаешь в землю, полагая: зёрна.
Так сеешь троеперстием руки,
но вызревает на пустыне чёрной
какая пустота?
Затем, что мы
не удивимся этому, отдёрнув
от жалящих колосьев (сколько игл!)
руки, затем что не растопчем их,
но, отвернувшись, сплюнем, виноватых
ища в себе подобных, и затем
что мы дадим названье пустоте
(которое бы объясняло) — фатум...
Затем я здесь пытаюсь, как тогда,
когда, не зная слов, а только это:
«Прости, прости»...
Но падает звезда,
не дожидаясь беглого рассвета.

***

Планеты яблок тянулись от долгих нитей,
Как вода обрывается в капле петли. Большие
Говорили маленьким: «Спите, спите».
Спелые звёзды падали вниз, на шифер.
это я это мама запомни меня запомни
Детство кричало, ползло на цветущих коленках.
Брали и ставили прямо, на подоконник:
«Скоро придут, смотри на окно». На ветках
Висли, рвались упасть, августом пахли,
Круглые, словно ёлочные шары,
Яблочные шары. Колыхались сабли
Острой травы. Вздымались паучьи шатры —
Растяжки мишеней, скелетики парашютов.
Видишь, падение это и цель полёта,
В котором не успеваешь сказать: «Прошу тебя...»,
Не успеваешь ответить кто ты.

ПАСТУХ

Воздух исполосован лентой хлыста.
Стадо минует кладбище.
Свежая кровь заката
стекает по спинам. Устал
Старый пастух. Пастью беззубой ищет
В воздухе музыку и, натыкаясь на
Дерево дудки, жадно его грызёт.
Это последняя в наших краях весна,
Дальше пастух стадо не поведет.
Дальше зима: будет точить углы,
Будет сбивать гробы из ребристых льдов.
И на земле горбатой, поверх могил,
Ляжет вдовой бесслёзной болиголов.
Всё будет бело. От кости и до креста.
Вот уже слышен смерти стекольный лязг.
Спины коровьи, верно в последний раз,
Лижет язык изодранного хлыста.

***

"...все острова похожи друг на друга,
когда так долго странствуешь..."
И.Бродский. Одиссей Телемаку

Я не вернусь. Большие города -
большое одиночество, когда
так долго странствуешь (словами Одиссея).
Пейзаж по осени везде и равно сер.
И чаще слышится не то СССР,
не то Расея.
Вращается Вселенная. Когда
так долго странствуешь, похожи города,
неразличимо
пространство на крутящейся оси.
И "Я" стирается в названии "Росси"
не без причины.
Когда так странствуешь, то запад и восток
сливаются в Евразию, восторг
не вызывая.
И рельсы, спутываясь, не ведут за край,
Свобода падает в утробу рюкзака,
фальшивым золотом нагорного Сибая.

ДЕРЕВЬЯМИ

То ли в этом свобода — в свободном паденье лететь,
То ли в том, чтобы, стоя в прохладной земле по плечи,
Продолжаться скопленьем листов с недостатком речи,
Как деревья в осенней листве.

Дождь идёт сквозь меня, и внутри, и сама я — река.
Семенами воды в земле прорастает небо.
Но горячим цветком не расцветает нёбо,
За отсутствием языка.

Упираясь в гортань, слово не знает вдоха.
А зима пожирает с земли золотые книги.
Лес, лишённый лица, но не памяти, будет долго...
Долго стоять в птичьем печальном крике.

***

Уверенность в том, что никогда больше
не напишешь стихов — приходит
за секунду до них самих...
Илья Тюрин. Записные книжки

Тишина говорит на всех языках сразу,
Оттого и не слышно слова в стоящем шуме.
И, раскрывши рот, не начинаешь фразу,
Будто кто-то умер,

А грудь, до этого служащая тебе эхом,
Становится грудой мышц, костей, сухожилий,
Становится смерчем дыханья, сердечным бегом,
Но не звуком песни, которую бы сложили.

Вдруг вспоминаешь, словно крича вдогонку,
О человеке. Может поэтому легче
Прощаешь себе, как зверю или ребёнку,
Молчание - совершенную форму речи.